

9 ноября 1933 года Бунин сидел на дневном сеансе в кинематографе Грасса. Шла какая-то веселая глупость под названием «Бэби», и Бунин смотрел с особенным удовольствием - играла хорошенькая Киса Куприна, дочь Александра Ивановича. Вдруг в темноте загорелся лучручного фонарика. Л. Ф. Зуров тронул писателя за плечо и сказал: «Телефон из Стокгольма. Вера Николаевна очень волнуется и просит поскорее прийти домой».

Первое, что подумал Бунин: жаль, так и не узнаю, что стало с Кисой в конце фильма. Отправились домой. По дороге Бунин начал расспрашивать, что, собственно, сказали? - Непонятное что-то. Премия Нобеля... Ваш муж... - А дальше? - А дальше не разобрался... Так сразу оборвалась его прежняя жизнь: Бунин получил Нобелевскую премию по литературе.

...Позже, при всякой встрече, мы вспоминали сумасшедшие дни, последовавшие за присуждением премии. Я стал на время секретарем Бунина, принимал посетителей, отвечал на письма, давал за Бунина автографы на книгах, устраивал интервью. ...К концу дня, выпроводив последнего посетителя, мы усаживались в кресла в полном изнеможении и молча смотрели друг на друга. В один из таких вечеров Иван Алексеевич вдруг сказал: - Милый, простите, Бога ради... - За что, Иван Алексеевич? - За то, что я существую.

...Через несколько дней в «Нувель Литерэр» появилась довольно ехидная заметка: Бунин, дескать, проявил исключительное благородство и решил разделить свою премию с другим большим русским писателем Д. С. Мережковским. Вырезку эту я показал Бунину, вызвав у него нечто вроде легкого апоплексического удара: - С какой стати? Ни за что!

Все же я спросил, откуда пошел слух о разделе? И Бунин рассказал, что к нему явился как-то Мережковский и сделал странное предложение: составить у нотариуса договор на случай получения одним из них Нобелев-

ской премии. Тот, кому премию присудят, заплатит другому 200 000 франков. - Я, конечно, ноотрез отказался...

...Были и непрошенные посетители, о которых рассказал И. А. Бунин в своем предисловии к моей книге: - Раздается стук в дверь, настолько крепкий, требовательный, что я подхожу к двери. Кто там? - Отворите, господин Бунин, - отвечает грубый, простонародный бас. - Нам нужен личный разговор по очень важному делу. - Кому нам? - Мне и моим товарищам... - Да в чем дело? - Дело в русской национальной ценности, которую вы обязаны по своему положению лауреата приобрести, чтобы она не попала в руки кремлевских палачей. - Что за ценность? - Топор императора Петра Великого. Его личная собственность с государственным сертификатом и приложением печати. - Вы, кажется, не в своем уме. Какой такой топор? Очевидно, тот самый, которым Петр прорубил окно в Европу?..

...В Стокгольм приехал на рассвете... Бунин стоит у окна и смотрит на набережную. - Хорошо бы поехать куда-нибудь за город, побродить по снегу, потом зайти в шведский кабак и выпить стакан горячего пуншу...

- Ни сегодня, ни завтра, ни разу до своего отъезда из Стокгольма он не сможет отправиться за город и побродить по свежему, скрипучему снегу, который напоминает ему Россию.

...Фотографии Бунина смотрели не только со страниц газет, но и из витрин магазинов, с экранов кинематографов. Стоило Ивану

Алексеевичу выйти на улицу, как прохожие немедленно начинали на него оглядываться. Немного польщенный, Бунин надвигал на глаза барашковую шапку и во-

на сочетала в себе подлинную красоту с большой и естественной привлекательностью. Десятки людей говорили мне в Стокгольме, что ни один Нобелевский

премию, а Бунин хотел сказать нечто большее: подчеркнуть, что Нобелевская премия была присуждена писателю-изгнаннику, как знак совершенной независимости, как символ уважения свободы совести и свободы мысли. Это был, в известной степени, и акт политический. Со времени Полтавы и Петра Великого в Швеции недолюбливали все русское; никогда до Бунина Нобелевская премия не была присуждена русскому писателю - не присудили ее ни Толстому, который премию не хотел, ни Горькому, кандидатуру которого тщетно выставляли.

...Годы, предшествовавшие получению Нобелевской премии, были, вероятно, самыми продуктивными в жизни Бунина. Человек беспокойный по натуре, в молодости вечный странник, он в эмиграции поневоле стал домоседом, делил свое время между Парижем и Грассом. Бунин любил Грасс. Работал он на юге «запойно». Здесь написал он «Митину любовь» - одно из самых лирических произведений в русской литературе. Здесь была написана «Жизнь Арсеньева», и позже Бунин очень огорчился, когда эту вещь называли «автобиографической». В ней действительно есть многое из жизни молодого Бунина, но Ли́ка была выдумана от начала до конца, и та женщина, которую Бунин написал в образе Лики, фактически была очень мало похожа на мятущуюся, сумбурную Варвару Пащенко, в которую Бунин был влюблен в юности.

Чем больше я присматривался к Бунину, тем яснее видел, что

его плохо знают. Много раз я слышал такой отзыв: - Какой холодный, ледяной писатель! Так говорили те, кто совершенно не чувствовал Бунина и не понимал его произведений, в которых всегда есть глубокая, волнующая страстность... В нем была какая-то неподдельная стыдливость - Бунин не любил показывать на людях свою обнаженную душу. Пошлость презирал во всех ее проявлениях и задыхался от гнева, когда слышал по своему адресу плоские комплименты. Но не страдал он и самоуничтожением и как-то, уже после получения Нобелевской премии, сказал мне: - Что же, и я не последний писатель земли русской.

... Начиная работу рано, часов в девять, и писал без остановок до завтрака, то есть до часу дня, и в это время никто его не беспокоил. В жаркие, знойные дни, какие часто бывают летом на Ривьере, Бунин писал о ранней московской весне, о капельках, падающих с крыш, о ледяных сосульках, с грохотом разбивающихся на тротуарах... Меня всегда поражала эта его способность перевоплощаться, забыть обо всем окружающем, писать о далекой России так, будто он видит ее перед своими глазами... Ему не надо было жить в России, чтобы писать о ней - так и Гоголь мог работать над «Мертвыми душами» в Риме, на вилле княгини Волконской.

...Как же относился Бунин до конца своих дней к советской власти и к большевизму? Возьмем для примера слово, сказанное Буниным 21 июня 1949 г. в Париже, в Публичном собрании по случаю 150-летия со дня рождения А. С. Пушкина: «Полтора века тому назад Бог даровал России великое счастье. Но не дано было ей сохранить это счастье. В некий страшный срок пресекалась при ее попустительстве драгоценная жизнь Того, Кто воплотил в себе ее высшие совершенства. А что случилось с самой Россией Пушкина, и опять-таки при ее попустительстве, ведомо всему миру. И потому были бы мы недостойны произносить в эти дни Его бессмертное имя, если бы не было в наших сердцах и великой скорби о нашей с Ним родине.

Росс. Вестн. - 1995 - 12 окт. - с. 7.

НАСЛЕДИЕ

Легкое дыхание темных аллей

Исполняется 125 лет со дня рождения И. А. Бунина. Русско-го писателя, чьи строки о любви незабываемы, чья лирика и тонкость переживаний сродни переливам солнечного света в летней листве - так нежно и так точно касаются строки бунинской прозы человеческой души. Писателя, чей удивительный, полнозвучный русский язык и неподкупная гражданская честность проявились в «Жизни Арсеньева» и «Окаянных днях», «Легком дыхании» и «Темных аллеях». Грязь и кровь эпохи, в которую жил Бунин, и неистребимая потребность счастья, высокое и вечный его спутник - низость: как мало кто, Бунин выразил гордые узел страстей человеческих, найдя для этого точные, проникающие слова.

Мы вновь, вслед за мемуарами о А. И. Куприне, публикуем отрывки из воспоминаний писателя и журналиста Андрея СЕДЫХ, который много лет был знаком с Буниным в годы эмиграции последнего, сотрудничал с ним. Седы́х вспоминает о том времени, когда Бунин получил Нобелевскую премию по литературе, а сам мемуарист стал секретарем писателя.

рчал: - Что такое? Совершенный успех тенора.

Должен сказать, что успех Буниных в Стокгольме был настоящим. Иван Алексеевич, когда хотел, умел привлекать к себе сердца людей, знал, как очаровывать, и держал себя с большим достоинством. А Вера Николаев-

лауреат не пользовался таким личным и заслуженным успехом, как Бунин.

...У меня сохранился текст его Нобелевской речи, он работал над ней много часов, переделывал ее, взвешивал каждое слово. Полагалось сказать комплимент королю, поблагодарить Акаде-